

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)**

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ВТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»,
посвященной 105-летию ТГПУ,
75-летию образования исторического факультета ТГПУ**

(20–21 ноября 2007 года)

Часть 2

ТОМСК 2008

1. Кызласов Л.Р. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993.
2. Кызласов Л.Р. О самоназвании хакасов // Этнографическое обозрение. 1992. № 2.
3. Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе хакасов // Уч. зап. Хакасского науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории. 1959. Вып. VII.
4. Бутанаев В.Я. Вопрос о самоназвании хакасов // Этнографическое обозрение. 1992. № 2.
5. Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. Абакан, 2000.
6. Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов. Абакан, 1998.
7. Боргояков С.А. Образование и национальная идея // Ежегодник Ин-та саяно-алтайской тюркологии Хакасского гос. ун-та. Абакан, 2004. Вып. VIII.
8. Кривоногов В.П. Хакасы: этнические процессы во второй половине XX в. Абакан, 1997.
9. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этноконсолидационные процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005.
10. Костяков А. День памяти предков // Хакасия. 1993. 2 июля.
11. Логачева А.С. Хакасия: социально-этнические штрихи массового сознания // Актуальные проблемы современной российской модернизации. Матер. Межвуз. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию образования республики Хакасия. Абакан, 2001.
12. Хакасия выступает за присоединение Красноярского края к республике // Режим доступа: <http://www.regions.ru/news/2059884/print/>, 24.08.2007.
13. Анжиганова Л.В., Анжиганова Е.В. Хакасы во времени и пространстве. Абакан, 2001.

О.В.Зайцева, П.В.Соловьева

ПОСУДА В СИСТЕМЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА НАСЕЛЕНИЯ ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Томский государственный университет

Введение. Керамическая посуда является одним из самых массовых материалов, получаемых в ходе археологических раскопок. Керамические комплексы анализируются с целью выделения археологических культур, их этапов и локальных вариантов. Для этого подробно исследуется форма и орнаментация посуды, технология изготовления. Вопросы же, связанные с местом и значением сосудов

в погребальных ритуалах, зачастую остаются вне поля зрения исследователей.

Целью настоящей работы является выявление роли керамической посуды в погребально-поминальной обрядности населения развитого средневековья (XI–XIV вв. н.э.) Томского Приобья. Исследование строится на анализе опубликованных материалов трех наиболее полно исследованных некрополей этого времени – могильнике в устье Малой Киргизки, Басандайском и Астраханцевском могильниках [1; 2]. Учтены также материалы могильника Шайтан II, исследуемого одним из авторов данной статьи [3, с. 15–17].

Орнамент и формы сосудов проанализированы Л.М. Плетневой в ее монографии, посвященной истории развитого средневековья Томского Приобья [2, с. 97–107]. Посуда этого периода представляет собой круглодонные горшки, в основном, с выраженной шейкой и срезанным наружу венчиком. По сравнению с предыдущими периодами, посуда развитого средневековья бедно декорирована. Орнамент наносился только на венчик и верхнюю треть сосуда (по шейке и плечу). Основные элементы орнамента – оттиски гребенчатого штампа, гладкой палочки и ямочные вдавления. Вряд ли в одном ряду из грубо нанесенных ямок и насечек стоит искать глубокий «скрытый смысл» и зашифрованную схему мироздания. Простой орнамент на сосудах развитого средневековья, вероятно, выполнял сугубо декоративную функцию, хотя, конечно, нельзя полностью отрицать «знаковость» и этих предельно простых, зачастую очень небрежно нанесенных орнаментальных схем.

Вообще трудно себе представить более утилитарный и тесно связанный с бытовой сферой предмет, чем глиняный сосуд. Однако в традиционных культурах посуда выполняет помимо хозяйственных также и ритуальные функции. Обычный бытовой предмет, становясь частью обрядовых действий, приобретал определенную семантическую нагрузку, просто переходя из профанной сферы в сакральную. Не случайно глиняная посуда – едва ли не самая распространенная категория погребального инвентаря в самых различных культурах.

Анализ материала. Каждый памятник демонстрирует свою уникальную картину снабжения погребаемых керамикой. Прежде всего, следует выделить присутствие фрагментов керамики в насыпи и помещение сосудов непосредственно в могилу.

Численные показатели первого и второго варьируют в каждом могильнике. Наиболее часты керамические находки в могильнике у устья

р. Малой Киргизки, там фрагменты керамики обнаружены в 44 % погребений, а сосудами снабжены 14 % погребенных. В Астраханцевском могильнике картина обратная. Здесь преобладает положение сосудов непосредственно в поле погребения (33 %), а находки фрагментов керамики в насыпи курганов немногочисленны (14 %).

Анализ находок керамики в Басандайском могильнике сложен из-за того, что исследования могильника проводились в два этапа с серьезным хронологическим перерывом.. В 1944–1946 гг. раскопки проводились под руководством К.Э. Гриневича и А.П. Дульзона. Исследования этого памятника были продолжены спустя 40 лет экспедициями под руководством Л.М. Плетневой. Анализ материалов в монографиях, посвященных раскопкам Басандайского могильника, противоречив. Отчасти причиной тому то, что Э.К. Гриневич А.П. Дульзон старались выбирать для исследования только неграбленные курганы. Большая же часть погребений Басандайского могильника, раскопанных под руководством Л.М. Плетневой, были разграблены (56 %). Вследствие этого сильно искажена статистика снабжения умерших инвентарем. Судя по материалам раскопок Л.М. Плетневой, сосуд среди погребального инвентаря присутствовал довольно редко – только в 3 % случаев. Также нечасты и находки фрагментов керамики в насыпи (16 %). Однако анализ материалов раскопок А.П. Дульзона демонстрирует несколько иную картину. В 55 % в насыпи погребений обнаружены фрагменты керамики, и даже целые сосуды. В 11 % сосуды обнаружены в самих погребениях.

Погребения Астраханцевского могильника и могильника у устья р. Малой Киргизки разграблены практически повсеместно, что конечно, налагает некоторую условность на выводы авторов, т.к. фрагменты керамики в насыпи разграбленных погребений вполне могли происходить и из самого погребения. Лишь в Басандайском могильнике, в насыпи обнаружены не только фрагменты, но и целые сосуды, причем только в одном кургане (курган 42). Целые сосуды в вещном поле погребения во всех могильниках обнаружены в ногах костяка, чаще всего слева, в единичных случаях в области таза (также слева) или между колен (Басандайский могильник, курган 55г, погребение 3,6). Плохая сохранность остеологического материала не позволяет провести антропологический анализ погребенных, что делает невозможным корреляцию пола погребенных с наличием керамического сосуда среди погребального инвентаря. Однако, анализируя материалы Астраханцевского могильника и

могильника у устья р. Малой Киргизки, можно отметить отсутствие керамических сосудов в детских погребениях. Корректируют картину данные Басандайского могильника, но и там, в детских погребениях сосуды обнаружены в нехарактерном месте – в области колен и таза (курган 55г, погребение 3,6). Скудность описания в монографиях не всегда позволяет получить данные о положении самого сосуда – поставлен ли он, перевернут ли, к тому же сосуды в большинстве случаев находятся в фрагментированном состоянии. Тем не менее, довольно часто судя по описаниям, сосуды были перевернуты вверх дном.

На могильнике Шайтан II пока исследовано 11 погребений [3]. Сосуды находились в двух погребениях, в обоих случаях они были намеренно перевернуты кверху дном. Интересно, что эти сосуды вообще не имели никаких следов их бытового использования. Создается впечатление, что они были помещены в могилы совершенно «новыми»: не зафиксировано следов нагара не снаружи, не внутри сосудов. Возможно, они были специально изготовлены для погребального ритуала. Судя по небольшим (по сравнению с керамикой поселенческих комплексов) размерам, в могилу помещались индивидуальные сосуды, рассчитанные на прием пищи одного человека.

Единственный памятник рассматриваемого времени, исследуемый сплошной площадью, – могильник Шайтан II. В межкурганном пространстве, причем на значительном удалении от насыпей (более 5 м) обнаружены развалы целых сосудов, видимо специально оставленных на территории могильника. В одном случае зафиксировано положение сосуда на боку, правда, такое положение он мог принять и в ходе археологизации.

Вообще, целые и фрагментированные сосуды, встречающиеся в межкурганном пространстве, околокурганых ямах, у подошв насыпей курганов, как правило, значительно крупнее сосудов, находящихся в погребениях. Вероятно, большие сосуды намеренно или ненамеренно оставлялись на территории кладбища после коллективных тризн сразу после сооружения курганов или же при дальнейших поминальных ритуалах.

Интерпретация. В горшках, помещенных в могилу, могла содержаться пища, необходимая для загробного путешествия. Заупокойная пища могла предназначаться не только самому умершему, но и служить даром, предназначенным для предков, духов или божеств, населяющих загробный мир. О нахождении внутри сосудов раздроблен-

ных костей животных в анализируемых могильниках не упомянуто ни разу. Посуда могла содержать жидкую молочную, мясную или растительную пищу. Недавно почвоведы совместно с археологами разработали методику, способную дать ответ, на вопрос, какие именно продукты содержали глиняные горшки, помещенные в могилу [4]. Поэтому есть надежда на то, что в будущем мы сможем больше узнать о содержимом сосудов в погребениях развитого средневековья Томского Приобья.

В отдельных случаях сосуды находились в могиле в перевернутом вверх дном положении. Намеренная постановка сосудов горлом вниз, говорит о том, что пищи в них не содержалось, или же она намеренно выливалась во время исполнения обряда.

«Перевернутость» и «оборотность» универсальные архетипические признаки потустороннего мира и символы преодоления рубежа между миром реальным и потусторонним. Эти представления фиксируются у самых разных народов и могут быть отнесены к мифологическим универсалиям. В традиционных культурах перевернутые сосуды связаны с гаданиями и охранительными обрядами. Сосуды, установленные вверх дном, в могилах встречаются уже в эпоху бронзы в самых различных культурах Евразии [5, с. 93–95; 6].

Сибирская этнография также демонстрирует нам различные проявления этого универсального мотива. Перевернутым горшком ловили «душу» умершего обские угры [7, с. 153–154]. Семантическую связь головы – вместилища основной жизненной силы человека – и горшка, способного также удерживать «душу», демонстрируют и неординарные средневековые погребения, в которых покойному на место отчлененной головы ставили горшок [8, с. 411–412]. Переворачивание, уже ставшей железной, посуды во время шаманских камланий фиксировали еще и в XX в. у селькупов [9, с. 67–68].

Заключение. Эпоха развитого средневековья – поворотное время в истории Томского Приобья, территории, издревле служившей своего рода буфером между «таежными» и «степными» мирами. Несколько волн миграции тюркоязычных народов коренным образом изменили этнополитическую ситуацию. Характер взаимодействия пришлого – тюркского (кимако-кыпчакского) и местного – самодийского, и возможно также, угорского населения до конца еще не раскрыт. Традиция снабжения умершего керамическим сосудом, вероятнее всего связана с местным автохтонным пластом, поскольку сосуды присутствуют в Томском Приобье и в погребениях раннего

средневековья [10]. Обычай ставить посуду в могилы бытовал также у носителей кулайской культуры раннего железного века [11]. Причем и в том, и в другом случае довольно значителен процент сосудов, установленных кверху дном. Для носителей сросткинских и иных пришедших тюркских традиций помещение глиняных сосудов в могилы, напротив, не характерно.

Перевернутость сосуда, его намеренная постановка устьем вниз обозначает определенную обрядовую ситуацию, судя по количеству зафиксированных случаев, весьма значимую для рассматриваемой погребальной традиции населения развитого средневековья Томского Приобья. Более детальной расшифровке эта особенность вряд ли подлежит в силу специфики археологических источников и универсальности мотива перевернутости как символа преодоления рубежа между мирами.

Литература

1. Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Труды ТГУ (Том 98) и ТГПУ. Томск, 1947.
2. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997.
3. Зайцева О.В., Капитонова М.А. Предварительные итоги исследования Шайтанского археологического микрорайона (к археологической карте Кожевниковского района Томской области) // Археолого-этнографические исследования в южнотасажной зоне Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003.
4. Демкин В.А., Демкина Т.С. Возможности реконструкции погребальной пищи в керамических сосудах из курганов бронзового и раннежелезного веков // Этнографическое обозрение. 2000. № 4.
5. Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда; Лисаковск, 2005.
6. Хабарова С.В. О семантике перевернутых сосудов в андроновском погребальном обряде // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск: Изд-во ОмГУ, 2000.
7. Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001.
8. Очерки культууроогенеза народов Западной Сибири. Мир реальный потусторонний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994.
9. Прокофьева Е.Д. Материалы по шаманству селькушов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981.
10. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983.

11. Панкратова Л.В. Посуда из погребений кулайской культурно-исторической общности // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.

Ч.К. Иргит

ОБ ЭТНОНИМАХ «УРЯНХАЙЦЫ» И «СОЙОТЫ»

Томский государственный педагогический университет

В этнографической науке утвердилось несколько этнонимов применительно к тувинскому этносу. Это такие названия как «сойоты», «сойаны» и «урянхайцы». Появлению тех или иных названий, обозначающих жителей Верхнего Енисея в Саяно-Алтайском нагорье, немало способствовали соседние с тувинцами народы, имеющие с ними много общего в своем культурно-историческом развитии. До XIX в. тувинские племена еще не представляли собой сложившейся этнической общности с утвердившимся названием, хотя некоторые тувинские родоплеменные группы называли себя «тубо». Поэтому в результате контактов тувинских родоплеменных групп с соседними племенами возникло несколько наименований, применявшихся к тувинским родоплеменным группам. Так, этнонимом «сойан» своих южных соседей называли хакасы, «сойон» – алтайцы, «сойот» – буряты, а монголы именовали тувинцев «урянхайцами».

В отечественной и зарубежной литературе до начала XX в. данные этнонимы в отношении тувинцев употреблялись равнозначно, хотя изначально имели разные основания применения. В связи с этим, необходимо определить происхождение этнонимов «сойоты» и «урянхайцы».

Вопрос о происхождении этнонима «урянхайцы» слабо изучен в научной литературе. По этому поводу высказываются различные точки зрения. Еще в начале XX в. Д. Каррутерс выявил, что «слово “урянхаец” – китайского происхождения. В прежнее время оно широко применялось ко всем племенам вдоль сибирско-монгольской границы» [1, с. 155]. Но термин «урянха» имеет тюрко-монгольское происхождение и был известен еще со времен Чингис-хана. Самым ранним источником, в котором впервые упоминается этноним «урянха», является «Сборник летописей» персидского историка Рашид-ад-Дина (конец XIII – начало XIV вв.), где указывается о «лесном племени», точнее о «лесных урянкатах», живших севернее Монголии